

Два порубежных десятилетия были отмечены реализацией масштабных проектов, среди которых — новое здание Музея Вальрафа-Рихарца в Кёльне, застройка квартала между Фридрих-штрассе и Жандарменмаркт в Берлине, а также Кунстхалле (Галерея современного искусства в Гамбурге). Реконструкция Пергамского музея (Pergamonmuseum) в Берлине стала последней работой зодчего.

Уже в 1960-е годы Унгерс предпринимает фундаментальные исследования архитектурной типологии и разрабатывает урбанистические схемы упорядоченного развития городов. Свои теоретические воззрения он с завидной последовательностью изложил в ряде капитальных трудов.

Очередным манифестом воззрения Унгерса стала его собственная вилла, также построенная в предместье Кёльна (1994–96). Названная «Домом без свойств», она декларировала чистоту формы, очищенной от каких бы то ни было стиливых напластований, и была воплощением представлений зодчего об архетипе жилища в ландшафте.

Одним из самых знаменательных творений Унгерса можно назвать офисную башню ярмарки во Франкфурте-на-Майне – Торхаус, или Дом-Ворота (1989–97). Этот знаковый объект служил ориентиром в контексте огромного торгово-экспозиционного комплекса. Здание – метафора «диалектического единства»: прозрачные его части со сложным остеклением противопоставлены глухому облицованному камнем вертикальному объему в форме гигантского портала.

С немецкой последовательностью Унгерс воплотил свои идеалы в здании посольства в Германии в Вашингтоне. Это призматический объем, оформленный геоме-

тризированной колоннадой. Как и во франкфуртском музее, в реальную архитектуру включена ее «идеальная модель».

Тема куба и квадрата становится центральной в творчестве зрелого мастера. Особенно ярко приверженность Унгерса геометрической форме проявилась во Фридрихштадт-пассаже и в здании Суда по семейным делам на Ландвер-канале в Берлине, в Кунстхалле в Гамбурге, а также в сооружениях Берлинской и Франкфуртской ярмарок.

Подытоживая сказанное, отметим неприятие Унгерсом общеупотребительной аксиомы «форма следует функции». Для Унгерса «форма следовала форме» [1, 3–5]. Неуступчивый «хранитель» идеи «автономной архитектуры», он чтит традицию, связавшую его с Ле Корбюзье и восходившую к зодчим Великой французской революции — Э.-Л. Булле, К.-Н. Леду, Ж.-Ж. Лекё.

Наследник великой традиции, находивший обоснование в геометрии и математике, Унгерс верил, что архитектурная форма живет и развивается только из самой себя. Зодчий не столько изобретатель форм, сколько мудрый советчик по их применению и интерпретации, считал он.

Список литературы

1. *Рябушин, А. В.* Архитекторы рубежа тысячелетий. Кн. вторая / А. В. Рябушин. Москва: Искусство-XXI век, 2014.
2. *Feldmeyer, G.* The New German Architecture / Gerhard G. Feldmeyer. – New York: Rizzoli, 1993.
3. *Papadakis, A.* Architecture of Today / A. Papadakis, J. Steele. – 1st edition. – London: Academy Editions, 1991.
4. *Ungers, O. M.* Architektur 1951–1990 / Oswald Mathias Ungers, Fritz Neumeier. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt DVA, 1991.
5. *Ungers, O. M.* Bauten und Projekte 1991–1997 / Oswald Mathias Ungers. – Stuttgart, 1998.

В. С. Елистратов

V. S. Elistratov

Наследие постмодернизма в современном архитектурном дискурсе

The Legacy of Postmodernism in Modern Architectural Discourse

Ключевые слова: постмодернизм, термин, терминойд, междисциплинарный, синтез, дао, синкретика

Keywords: postmodernism, term, terminoid, interdisciplinary, synthesis, tao, syncretics

Аннотация: В современном архитектурном дискурсе очень сильно постмодернистское начало. В первую очередь это влияет на терминологию. Данное исследование показывает, что это не столько постмодернистское влияние, сколько исконное состояние архитектуры, которое можно назвать синкретическим.

Abstract: There is a very strong postmodern basement in the modern architectural discourse. First of all, it affects the terminology. This study shows that this is not so much a postmodern influence as an original state of architecture, which can be called syncretic.

О так называемом постмодернистско-деконструктивистско-постструктуралистском комплексе в современном, преимущественно гуманитарном, знании сказано и написано очень много. Здесь выработалась разветвленная и очень противоречивая терминология, которую, вместе с тем, нельзя и назвать терминологией в строгом смысле этого слова. Скорее, речь идет о весь-

ма расплывчатых многозначных терминойдах [1, с. 739] и даже, совсем уже «творчески» выражаясь, «терминафорах» («термин» + «метафора»).

В этом смысле постмодернистский дискурс сам является одновременно теми самыми столь раскрученными симулякром и ризомой, которые так активно используются учеными. Очень многие научные и околонуч-

ные тексты живут в режиме такой вот «имитационной грибницы».

Сразу отметим: это и ни «хорошо» и ни «плохо», если, конечно, мы не имеем дело с откровенной халтурой. Это данность, вызванная многими причинами, прежде всего – своего рода «бумом междисциплинарности», «диктатурой комплексного подхода». Кроме того, своего рода идей фикс науки в XX–XXI вв. был поиск синтеза точного знания (т. н. сциентизм) и знания гуманитарного (т. н. антропологизм). Как сейчас говорят, «в сухом остатке» этого напряженного поиска оказалась масса якобы «точных» метаязыков, описывающих «неточную» антропологическую материю. «Точные» языки бесконечно усложнялись, приобретали сотни и сотни чисто цеховых, герметических кодов, отталкивались, переплетались. Результат – тот самый постмодернистский дискурс, о котором идет речь.

Автор данной статьи, будучи по образованию лингвистом, долгое время работал в сфере культурологии и регионоведения. В дальнейшем «судьба свела» и с архитекторами.

Картина получилась очень интересная. Сейчас мы к ней вернемся, но сначала небольшое, совсем не лирическое отступление.

В принципе вся эта постмодернистская ризома была в философском смысле очень грамотно решена еще древними китайцами. Есть твердая, устойчивая терминология. Это – Ян. Есть «туманный антропологизм». Это – Инь. Инь и Ян – не антитеза, не бинарная оппозиция. Их системная взаимосвязь прекрасно освещается в классической древнекитайской «Книге перемен». Главный же закон развития жизни – дао, главное свойство которого заключается в том, что его нельзя определить. Не противопоставляются друг другу по принципу первичности и пять китайских первоэлементов (огонь, вода, воздух, металл, дерево), в отличие от четырех индоевропейских. У европейцев же метафизика (Ян) и диалектика (Инь) вечно спорят друг с другом. Кстати сказать, современные китайские учащиеся, даже самые продвинутые, как показывает большой опыт общения с ними, безнадежно равнодушны к метаниям Делеза, Деррида, Эко и т. д.

Итак, о лингвистике, культурологии, регионоведении и архитектуре.

В языке есть системные отношения и отношения полевые. Суффикс – это, так сказать, Ян. А вот «семантика прозрения в метафорах символистов» – Инь. И все же терминологический каркас лингвистики очевиден.

Когда появилась дисциплина «культурология», возникло много сомнений по поводу ее «легитимности». Например, еще в 90-х годах прошлого века профессор Ю. В. Рождественский совсем не обосновательно утверждал, что необходимо говорить о «культуроведении», а не о «культурологии», потому что «логия» подразумевает систематизацию и классификацию, а в культуре этого крайне мало [3]. Да и междисциплинарность здесь явно зашкаливает. На совете по культурологии на одном заседании могли, к примеру, защищаться диссертации «Концепт пути в творчества

Н. С. Лескова» и «Народные монгольские музыкальные инструменты: традиции и современность». Ничего «криминального», но, согласитесь, странно. Очень уж широко.

Появление регионоведения не прояснило ситуацию, но привнесло в нее еще больше «сциентизма». Прежде всего подключилась экономика.

Лет пятнадцать назад, например, в обиход плотно вошло понятие «кластер». Чуть ли не треть дипломов и магистерских диссертаций по регионоведению защищалась по «кластерам». Автомобильных в Италии, молочных в Вологодской области и т. д. и т. п. Первый вопрос, который задавался соискателю, был следующий: имеете ли вы экономическое образование? Ответ – нет. Экономисты-рецензенты разводили руками.

В принципе и культурологические диссертации про монгольские музыкальные инструменты и лесковский концепт пути могли быть легко защищены как регионоведческие. Без специального музыкального или филологического образования. Мы сделали в свое время попытку навести хоть какой-то порядок [2, с. 5-14], но это слишком обширная область: все разом не охватишь. Да и надо ли? Но об этом ниже.

Работая со студентами и аспирантами МАРХИ, в том числе и бывшими, мы провели следующий эксперимент, или, как сказали бы филологи, полевое исследование. Информантам (около 50 человек) было предложено привести 15-20 архитектурных терминов, которые можно считать ключевыми для их исследований. Подавляющее большинство работ было посвящено градостроительству.

Весь полученный материал можно разделить на две группы.

Первая группа (примерно 30%) представляет собой словосочетания, иногда весьма развернутые, содержащие некую терминологическую доминанту, отсылающую именно к архитектуре: *архитектура, архитектурный, градостроительный, город, пространство* и т. п. Например, *зеленая архитектура, архитектурное зонирование, архитектурная проницаемость, дизайн архитектурной среды, градостроительная емкость, когнитивная архитектура* и т. д. Нередко здесь встречаются и вопиющие семантические тавтологии, к примеру: *морфология пространственного формообразования, интегрирование объединенных архитектурных зон*. Но это – неизбежные «издержки производства».

Подчеркнем: весь этот материал рассматривается нами скорее как «языковое подсознание» информантов, «лингвокультурное дао» их языковых и профессиональных личностей. Ценность их (и их научных руководителей) архитектурного терминотворчества ни в коей мере не ставится под сомнение. Тем более, что мы скорее разделяем древнекитайский подход к «мировому дискурсу», чем современный западно-постмодернистский.

Вторая группа (примерно 70%) языковых единиц не содержит абсолютно никаких доминантных отсылок к архитектуре как таковой. Приведем примеры: *стартап, экотуризм, промышленный кластер, город-побратим, технологическая цепочка, геймификация,*

философия мультикультурализма, гуманистическое планирование, исторический подтекст, теплообмен, территориальное управление, креативная индустрия, конверсия, система расселения, модернизация, перспективы многофункциональности, биотип и т. п. Как видим, здесь и экономика, и экология, и физика, и биология, и история, и философия, и культурология, и геополитика, и много чего еще. Причем информанты, зная, что все эти термины многофункциональны, междисциплинарны, нисколько не сомневаются в том, что они «законно архитектурны». И даже – в первую очередь.

В сущности, наш скромный опрос, как нам кажется, наглядно демонстрирует тот факт, что архитектурная наука, пожалуй, самая «всеотзывчивая», если использовать крылатый «мем» Ф. М. Достоевского. Кстати, в числе прочих зафиксированных в опросе архитектурных терминов встречается и такой: *архитектурная метрика*. Архитектура – это «пантеон», если угодно – «музейон» наук.

Несколько, может быть, противореча заявленной теме, мы хотели бы сделать следующий вывод-гипотезу.

Современный архитектурный дискурс лишь на самый поверхностный взгляд является «насквозь» постмодернистским. Это слишком близкая ретроспекция. Архитектура имеет в сотни раз более долгую историю, чем тот самый постмодернистско-деконструктивист-

ско-постструктуралистский комплекс, с которого мы начали.

По сравнению с массой иных наук, возникших в последние десятилетия и неизбежно ставших междисциплинарно-синтетическими, архитектура не столько синтетична, сколько исконно-синкретична. В этом ее сущность, ее, опять же, «дао».

Достаточно взять тексты великих архитекторов от Брунеллески до Ле Корбюзье и Райта и без всякой предвзятости сопоставить их типологически с текстами современных дипломов и диссертаций, защищаемых в МАРХИ, – и все станет ясно про исконную и неизбывную «архитектурную синкретику».

Надеемся, кто-то когда-нибудь возьмет на себя ответственность проделать эту работу.

Список литературы

1. Елистратов, В. Термины и термины в современном архитектурном дискурсе / В. Елистратов // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. Москва: МАРХИ, 2022. – С. 739.
2. Елистратов, В. Регионоведение: «ищите термин!» / В. Елистратов // Актуальные проблемы регионоведения. Выпуск первый. – Москва: МГУ, 2004. – С. 5-14.
3. Рождественский, Ю. Введение в культуроведение / Ю. Рождественский. – Москва, 1996.

Д. Э. Сафина, О. Ю. Ханенко

D. E. Safina, O. Yu. Khanenko

Архитектура как знак

Architecture as a sign

Ключевые слова: знак, архитектура, транспорт, символизм, навигация, поп-арт, среда

Keywords: sign, architecture, transport, symbolism, navigation, pop art, environment

Аннотация. Современная городская среда с выстроенными специальными траекториями, цепочками и обозначениями в виде пиктограмм полна символов, в том числе ярких дорожных знаков, ведущих человека по оптимальному пути в сложносочиненной урбанистической многоуровневой среде. Анализируя использование яркой художественной образности в произведениях поп-арта, скульптурах и предметах мебели, акцент делается на архитектуре «знака», натуральное использование которого создает своеобразные средовые ситуации масштабных сдвигов.

Abstract. The modern urban environment with trajectories, chains and pictograms built by specialists is full of symbols, including bright road signs, leading a person along the optimal path in a complex urban multilevel environment. Analyzing the use of vivid artistic imagery in pop art works, sculptures and pieces of furniture, the emphasis is on the architecture of the "sign", the natural use of which creates peculiar environmental situations of large-scale shifts.

Отношения, возникающие между человеком и искусственным миром, должны иметь формальный ответ. Это должен быть ответ на запросы конструктивных архетипов, декоративности, радующих знаков, визуальных ходов.

Такой дизайн – не стиль, но ответ на важный вопрос о формальном качестве построенного мира. И это важно не только для людей с требовательным глазом.

Формальное качество мира – вопрос политический.

Этторе Комтасс

Знак... Отбросив тавтологию, многозначное слово. Написание и прочтение данного текста равняется набору

и восприятию текстовых знаков – необходимых элементов письменной речи. Каждая точка, каждая запятая